

*Торопов Александр Анатольевич,
директор Российского государственного
исторического архива Дальнего Востока
(г. Владивосток)*

Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди корейского населения на Дальнем Востоке России

Православная миссионерская деятельность среди корейского населения, переселившегося в пределы российского Дальнего Востока, началась по инициативе архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия (Вениаминова). Первым православным проповедником среди корейцев был иеромонах Валериан, построивший первую в Посъетском участке часовню в с. Новокиевском.

Царское правительство и официальная церковь придавали особое значение христианизации корейцев, т.к. проживание огромного количества инородческого населения в приграничной территории создавало определенную угрозу русским интересам в Тихоокеанском регионе. Православная церковь направила свои усилия на создание условий для принятия пришлым корейским населением православия, с этой целью были образованы специальные миссионерские станы, строились храмы, открывались школы для обучения корейских детей русскому языку.

В 1872 г., на специально выделенные для этой цели средства, были построены часовни в селениях Тизинхе и Нижне-Янчихе, Корсаковке, в следующем году – в селении Краббе, а, благодаря стараниям священника Василия

Пьянкова, для корейских детей была открыта церковная школа в с. Тизинхе.

В 1882 г. был образован Янчихинский миссионерский стан, в который вошли все корейские селения Южно-Уссурийского края. С этого момента церковное строительство, при материальной поддержке Благовещенского православного миссионерского общества, усиливается. В июле 1882 г. заложена, а 9 июня 1883 г. освящена деревянная церковь в с. Нижне-Янчихе. Миссионером Янчихинского стана был назначен священник Филипп Типцев.

Массовое стихийное заселение корейцами Приморской области привело к разукрупнению Янчихинского миссионерского стана. В 1888 г. Священный Синод образовал Монгугайский миссионерский стан, впоследствии были созданы новые станы - Посьетский, Тизинхенский, Адиминский, Заречьенский.

В октябре 1899 г. создан Владивостокский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, основная задача которого сводилась к изысканию средств на нужды миссии.

К марту 1901 г. в состав комитета входили: Евсевий, епископ Владивостокский и Камчатский (председатель комитета), Н.Д. Машуков - управляющий Владивостокским отделением государственного банка (товарищ председателя), А.М. Позднеев - директор Восточного института, А. Муравьев - протоиерей Владивостокского кафедрального собора, Н. Чистяков - священник, К.Ф. Ильницкий - «заступающий место» Владивостокского городского головы, В.О. Жариков - купец, С. Сиодзи - кандидат Санкт-Петербургской духовной академии, японский подданный, А.П. Корсунский - секретарь при епархиальном архиерее.

Из сохранившегося отчета комитета за 1900 год следует, что распространением христианской веры за-

нимались 11 миссионеров, из них три иеромонаха и 8 священников, два диакона в должности учителей церковно-приходских школ и 11 псаломщиков. В корейских селениях действовало 11 церковно-приходских школ (обучалось 391 детей обоего пола) и 15 школ грамотности (350 детей).

В этом же отчете приводятся данные о количестве корейского населения по 8 станам (Посъетскому, Корсаковскому, Пуциловскому, Синельниковскому, Янчихинскому, Адиминскому, Тизинхенскому, Заречьенскому). Так на их территории проживало 12992 чел., из них православных – 5543, в т.ч. мужчин – 3250, женщин – 2293. В 1900 г. было совершено 767 крещений взрослых и 210 детей; освящено 56 браков. Вместе с тем, из общего числа православных только 2055 чел. были у исповеди и Святого причастия, что может свидетельствовать о формальном принятии христианства корейским населением, сохранении двоеверия.

Основными трудностями в миссионерской деятельности, отмеченными в отчете, были недостаточное денежное содержание, незнание, а зачастую и неприятие уклада жизни корейцев, полная неподготовленность к проповедованию на их родном языке. Неблагоприятно отражались на авторитете миссионеров и безнравственное поведение некоторых из них: пристрастие к спиртным напиткам, картежные игры. Это приводило к тому, что миссионеры оставались «чуждыми для духовного мира корейцев», а их проповеди не достигали своего слушателя. Оставались «без должного внимания и надзора порученные их попечению церковно-приходские школы, которые в свою очередь, при большей половине учащихся из корейцев..., были предоставлены самим себе и, не достигая желанных результатов и успехов, а может быть, достигая именно нежелательных результатов, жили своею собственною жизнью, направляемую самими корейцами в лице учителей,

волостных старшин и прочих представителей корейской администрации».

В отчете Владивостокского миссионерского комитета за 1906 г. отмечено, что «...не владея корейским языком, миссионер в своих проповедях и поучениях должен прибегать к переводчику, которому, зачастую, не совсем ясен смысл высказываемого, а результатом этого является неточность и даже неправильность передачи слов миссионера». Это обстоятельство вынудило признать, что работающие миссионеры «далеко не всегда соответствуют тем требованиям, какие предъявляет к ним положение миссионерского дела: существенный недостаток наших миссионеров – незнание языка корейцев, а вследствие сего – полное отчуждение от инородческой среды, незнание ее обычаев, верований, невозможность проповеди живой, изустной, самостоятельной».

Представители американской пресвитерианской миссии, в противовес деятельности русской православной церкви, используя наступившее охлаждение во взаимных отношениях русских с корейцами и учитывая ошибки христианских православных миссионеров, пытались учредить специальный институт разъездных миссионеров. Российский генеральный консул в Сеуле отмечал необходимость усиления миссионерской деятельности среди корейцев, проживающих во Владивостокской епархии, считая, что православные корейцы быстро сольются с русским населением; обращенные же в протестантство навсегда останутся ненадежным элементом на нашей дальневосточной окраине».

Это побудило правительство и церковные власти учредить в г. Владивостоке при Восточном институте трехгодичные высшие миссионерские курсы.

Епископ Никольск-Уссурийский Павел в письме Приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти писал: «... При современном положении миссионерского дела в рус-

ской церкви представляется необходимым прежде всего устроить миссионерское учебное заведение, которое могло бы готовить деятелей миссии для проповеди христианства на Дальнем Востоке и смежных с Россией дальневосточных языческих государствах...».

В 1911 г. были рукоположены в сан священников первые «миссионеры из среды инородцев» Роман Ким и Федор Пак.

Роман Ким родился в 1888 г. в с. Янчихе. Первоначальное образование получил в Янчихинском двухклассном училище. С 1904 г. учился в Сеульской духовной миссии. В 1907 г. окончил курс Казанской учительской семинарии, в течение трех лет работал учителем в с. Нижне-Янчихе, Лукьяновке, Тизинхе. С 1 сентября 1909 г. занимал должность псаломщика Тизинхенской церкви. В 1910-1911 гг. прослушал Московские пастырские курсы. 21 марта 1911 г. рукоположен в священники.

Федор Пак родился в 1886 г. в с. Благословенное Амурской области. В 1906 г. окончил курс Черемуховской двухклассной церковно-приходской школы, затем два года работал учителем в селах Благословенном и Осиповке. Состоял переводчиком при штабе Приамурского военного округа с 1908 по 1909 гг., в 1910 – 1911 гг. прослушал Московские пастырские курсы протоиерея Восторгова и в апреле 1911 г. рукоположен в Москве в священники.

Позднее Р. Ким был назначен заведующим Посъетским миссионерским станом, Ф. Пак – Тизинхенским миссионерским станом.

Действенную роль в приобщении корейцев к русскому языку и культуре, православной вере играли церковно-приходские школы. По свидетельству исследователя А.Б. Ефимова, к 1917 г. только в Приморье действовали 182 корейские школы, в которых преподавание велось на корейском и русском языках, помимо чтения, письма и арифметики, изучался Закон Божий. Корейское

население поддерживало деятельность школ, выделяло средства на их постройку и содержание, т.к. окончание школы давало возможность корейским детям повысить свой социальный статус, продолжить обучение в средних учебных заведениях, учительских институтах и семинариях, устроиться на работу писарями, переводчиками, приказчиками и др. Школа, при незнании миссионерами инородческого языка, как отмечалось в отчете Владивостокского епархиального комитета за 1908 год., является главным, если не единственным, рычагом в миссионерской деятельности.

Вместе с тем, принимаемые меры не смогли полностью достичь своей цели. Священников из числа корейцев было крайне мало. Корейское население, как русско-подданное, так и иностранцы, крайне настороженно относились к русскоязычным миссионерам, их больше привлекали миссионеры-протестанты, изъяснявшиеся на доступном для них языке. Ряд новообращенных принимали христианство формально, только для получения русского подданства.

Сталкиваясь с большим и постоянно растущим количеством иностранных подданных, сменяющие друг друга генерал-губернаторы искали пути предотвращения «азиатизации» Приамурского края. В период русско-японской войны в России появляется термин «желтая опасность», которая, по словам П.Ф. Унтербергера, сильно грозит краю. В частности, отмечая трудолюбие корейцев, основной проблемой для региона он считал их желание прочно осесть на землю, замкнутость, не восприимчивость к ассимиляции, формальное принятие русского подданства, что создавало предпосылки для стратегической уязвимости российской приграничной территории.

Русская православная церковь и церковные школы сыграли важную роль в адаптации корейцев на территории другого государства, способствовали не только христиан-

скому просвещению, но и позволили ознакомиться с историей и культурой новой Родины, существенным образом повлияли на образовательный уровень и способствовали зарождению кадров национальной интеллигенции.